

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ВОСПРИЯТИЯ
«ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ» ТОМАСА МУРА В РОССИИ
XIX – НАЧАЛА XX в. (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ «НЕ ПРОИЗНОСИТЕ ЕГО ИМЯ...»)¹**

Аннотация. Авторами статьи впервые проведен сопоставительный анализ осуществленных в XIX – начале XX в. М. П. Вронченко, Д. П. Ознобишиным, А. Н. Плещеевым, Ф. А. Червинским, В. С. Лихачевым, Л. И. Уманцем и неизвестным переводчиком интерпретаций стихотворения «Oh! Breathe not his name...» («Не произносите его имя...»), входящего в известный цикл «Irish Melodies» («Ирландские мелодии») Томаса Мура. Отмечено художественное своеобразие каждой из русских интерпретаций, их созвучность общественно-политическим событиям и литературной жизни России. Стихотворение «Oh! Breathe not his name...» рассматривается в контексте всего цикла «Irish Melodies», что позволяет выйти на значимые для науки обобщения.

Ключевые слова: Томас Мур, русско-английские литературные и историко-культурные связи, поэтический перевод, реминисценция, традиция.

Abstract. The authors firstly deals with the comparison analysis made in the XIX and the beginning of the XX century by M. P. Vronchenko, D. P. Oznobishin, A. N. Pleshcheev, F. A. Chervinsky, V. S. Lykhachov, L. I. Umanets and the unknown translator on the material of the interpretations of the poem «Oh! Breathe not his name...», which belonged to the famous cycle «Irish Melodies», written by Thomas Moore. The authors of the article marked the artistic originality of the each of Russian interpretation and their harmony with the public and political events and literary life in Russia. The poem «Oh! Breathe not his name...» considers in the context of the whole poetic cycle «Irish Melodies», which helps to find important scientific facts and conclusions.

Keywords: Thomas Moore, Russian-English literary and history-cultural connections, poetic interpretation, reminiscence, tradition.

Цикл «Irish Melodies» («Ирландские мелодии») Томаса Мура, публиковавшийся десятью отдельными выпусками с 1807 г. на протяжении более четверти века (по 1834 г.), принес английскому поэту общеевропейскую литературную известность благодаря успешному сочетанию национально-специфических и общеевропейских черт, многообразию форм художественного выражения особенностей романтического мировосприятия литературной эпохи. «Ирландские мелодии» Томаса Мура, обретя устойчивую и длительную популярность в России, стали символом ирландского освободительного движения конца XVIII – начала XIX в. Известно, что стихотворения данного цикла не только широко переводились на русский язык [1, с. 400–403; 2, с. 31–41; 3, с. 212–216; 4, с. 142–144], но и фрагментарно включались в поэтические и прозаические произведения русских писателей,

¹ Статья подготовлена по проекту НК-441(6)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (госконтракт № П2568 от 25.11.2009 г.).

использовались в качестве эпитафий [5, с. 95–101; 6, с. 87–89]. Авторы переводов привлекали созвучность жизненных представлений ирландского романтика общественно-политическим событиям, происходившим в России, его свободолюбивые мысли.

Четвертое стихотворение цикла «*Irish Melodies*» «*Oh! Breathe not his name...*» («Не произносите его имя...»), неоднократно приковывавшее к себе внимание русских интерпретаторов на протяжении XIX – начала XX в., было посвящено другу Томаса Мура, ирландскому патриоту Роберту Эммету, одному из руководителей ирландского восстания 1803 г., активному участнику левого крыла движения «Объединенных ирландцев», близкому своими гражданскими устремлениями к якобинцам. Роберт Эммет, казненный англичанами, запомнился тем, что накануне казни сказал: «Уходя из этого мира, я прошу лишь об одном. О даре забвения. Пусть никто не сочиняет для меня эпитафии. Но когда моя страна займет достойное место среди других стран земли, только тогда, и не раньше, пусть напишут эпитафию и мне» [7, с. 492]. Близость молодого Мура с Робертом Эмметом, прекратившаяся после исключения последнего из университета, сменилась теплым дружеским чувством, которое поэт сохранил в себе на протяжении всей последующей жизни. Стихотворение «*Oh! Breathe not his name...*», равно как и другие ранние «ирландские мелодии», пронизано болью и глубоким разочарованием, вызванными трагедией ирландского народа, подавлением его национально-освободительного движения; вместе с тем глубинные протестные настроения словно растворены в задушевном, проникновенном лиризме, изящной грусти, наконец, в характерной элегической тональности, указывавшей на разочарование поэта в жизни и при этом настраивавшей на примирение со свершившимся, со сложившимися обстоятельствами действительности.

Два ранних перевода «*Oh! Breathe not his name...*» появились практически одновременно: в «Невском альманахе» на 1829 г. был опубликован перевод данного стихотворения, выполненный М. П. Вронченко («Умолчим его имя: пусть там оно спит...») [8, с. 255]; на страницах альманаха «Зимцерла» на 1829 г. увидел свет перевод Д. П. Ознобишина «Не зовите его: пусть спит он в безмолвье...» [9, с. 68], выполненный еще в 1826 г. По мнению А. Н. Гиривенко, первые обращения к стихотворению Мура в России носили программный характер («Во всяком случае, и Вронченко, и Ознобишин не стремились просто ознакомить своих соотечественников еще с одним произведением ирландского поэта-патриота» [10, с. 68]), связанный с возникновением в русской поэзии темы поиска могилы декабристов [11, с. 540]. В настоящее время часть исследователей (вслед за А. С. Пушкиным и А. А. Ахматовой) придерживается мнения о том, что пятеро казненных декабристов были тайно зарыты на невском взморье, на Голодае, представляющем собой северную конечность Васильевского острова, отделенную от него рекой Смоленкой (ныне Голодай – остров Декабристов); следы поисков могилы декабристов усматриваются во многих пушкинских произведениях – Евгений из «Медного всадника» похоронен на «острове малом», в котором можно распознать Голодай; в стихотворениях «Когда порой воспоминанье...», «Стремлюсь привычною мечтою...» с их характерной ностальгией по пережитому, равно как и в повести «Уединенный домик на Васильевском», можно почувствовать проникновенно прорисованную Пушкиным сумрачную атмосферу Голодая [12, с. 211]. Очевидно, возможность соотнесения безымянной моги-

лы борца за свободу ирландцев Роберта Эммета с безвестными могилами казненных декабристов и обусловила интерес к муровскому произведению со стороны Д. П. Ознобишина, накануне восстания сблизившегося с В. К. Кюхельбекером и Ф. Н. Глинкой, и М. П. Вронченко, командированного в Дерптский университет для изучения астрономии и сдружившегося там со студентом Н. М. Языковым, входившим в круг дружеского общения Е. А. Баратынского и находившимся под несомненным творческим влиянием А. С. Пушкина.

В 1834 г. стихотворение Мура было упомянуто в третьей части повести Н. А. Полевого «Аббадонна», действие которой происходило в Германии: на вечере у героини повести Элеоноры, услаждавшей разноплеменных гостей игрой на фортепиано, английский лорд «умолял <...> играть что-нибудь его родное и закрыл глаза рукою, когда после печальной Муровой мелодии: «Oh! breathe not his name, let is sleep in the shade» («О, не вспоминай о нем – пусть мирно покоится он...») Элеонора перелетела тихими аккордами в Шотландские горы и начала романс Кольмы [«Песнь Кольмы» Дж. Макферсона (из цикла поэм Оссиана)]; глубокое молчание царствовало в зале» [13, с. 32–33].

Новые интерпретации «Oh! Breathe not his name...» появились только в 1870–1880-е гг., когда произошел всплеск внимания русских писателей и переводчиков к ирландской теме, обусловленный историческими причинами. К этому времени Ирландия, так и не добившаяся независимости, была окончательно превращена в аграрный придаток английской экономики, источник сырья и дешевой рабочей силы, рынок сбыта английской продукции. К тому же система лендлордизма (аренда земли бедняцкой массе на кабальных условиях) порождала в Ирландии «земельный голод», приводивший в упадок сельское хозяйство, и без того подорванное уничтожением домашней промышленности из-за конкуренции английских товаров и многолетними неурожами картофеля (1877–1880, 1886), являвшегося основным продуктом питания ирландцев. Недовольство бедного крестьянства подавлялось британскими властями при помощи национальной ирландской буржуазии, боявшейся открытых мятежей, но при этом использовавшей проблемные ситуации в собственных целях, истребуя для себя уступок и преференций. Острота проблем российского крестьянства была столь же значительной, и потому, обращаясь к произведениям Мура, русские интерпретаторы акцентировали внимание на проблемах в своем отечестве, в прямом или завуалированном виде говорили о необходимости преодоления вопиющего социального неравенства, пробуждения дремлющего, «темного» сознания крестьянских масс.

Ирландская мелодия «Oh! Breathe not his name...» с ее программностью и открытой иносказательностью заинтересовала А. Н. Плещеева, который, публикуя свой вольный перевод «Не называйте его!» в № 6 «Отечественных записок» за 1875 г. [14, с. 367], вероятно, напоминал читателям о трагической судьбе петрашевцев, чье социально-утопическое мировоззрение показалось вредоносным Николаю I. А. Н. Плещеев, осужденный в 1849 г. в рамках дела петрашевцев за распространение известного письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю к четырем годам каторги, а затем переведенный рядовым в Уральск в Оренбургский линейный батальон, мысленно возвращался в свою молодость, к поломанным судьбам, погибшим надеждам и мечтам своих друзей, близких кругу М. В. Петрашевского, многих из которых уже не было к тому времени в живых. Символично, что при первой публикации перевода

А. Н. Плещеева отсутствовала ссылка, содержащая соотнесение содержания английского оригинала с судьбой Роберта Эммета; эта ссылка появилась только в последующих изданиях.

Публикуя в 1887 г. в «Вестнике Европы» свой перевод «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!..» [15, с. 752], Ф. А. Червинский, в отличие от предшественников, в большей мере ориентировался на решение творческих, нежели идейно-политических, гражданственных задач. Стремясь сохранить ритмический строй оригинала, непринципиальный для переводчиков-предшественников, Ф. А. Червинский использовал шестистопный дактиль с его характерной ритмической растянутостью, придававшей тексту ощущение сугубо русской напевности, задушевности. Благодаря использованию стилистических повторов, способствовавших проведению параллелей между первой и второй строфами (например, «Пусть наши *слезы* печальные льются из глаз омраченных / *Тихо*, как перлы *росинок* <...>» и «Падает *тихо роса* <...> / *Тихие* жаркие *слезы* над этой могилой» [15, с. 752]), Червинский мастерски придавал нейтральным словам экспрессивный ореол.

Перевод Ф. А. Червинского был несомненной творческой удачей, что осознавал, в числе прочих, и сам переводчик, опубликовавший «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!..» в сборнике собственных оригинальных произведений в 1892 г. [16, с. 167]. Однако появление данного талантливого перевода не только не притупило интереса интерпретаторов к муровскому произведению, но и во многом способствовало усилению внимания к «Oh! Breathe not his name...». В № 9 журнала «Труд. Вестник литературы и науки» за 1893 г. увидел свет перевод В. С. Лихачева «Эпитафия» [17, с. 585–586]; в ноябрьской книге «Русской мысли» за 1900 г. был опубликован перевод Л. И. Уманца «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна...» [18, с. 115]; наконец, в книге «Томас Мур (1779–1852). Биографический очерк ирландского писателя с приложением его стихотворений» (М., 1901) был напечатан анонимный перевод «Эпитафия неизвестным» («Не знают люди имени родного...») [19, с. 43]. Символично, что поздние переводчики, стремясь подчеркнуть как содержательную, так и формальную (жанровую) близость этой ирландской мелодии Томаса Мура жанру эпитафии, указывали на данное обстоятельство уже в заглавии, после чего шли по пути установления связей мира живых и мира мертвых, подчеркивали просьбу ирландского барда не тревожить память погибших, тем самым усиливая трагизм от потери сынов отечества.

Первый стих английского оригинала, характеризовавшийся повелительностью интонации («Oh! breathe not his name, let it sleep in the shade» [7, с. 48] [«О! Не произносите его имя, пусть оно спит в тени»]), был вполне точно воспринят всеми русскими интерпретаторами, каждый из которых, однако, по-своему понимал значимую для Мура лексему «shade» (тень, навес), символизировавшую укромное тихое место, могилу. Так, в переводе Вронченко «shade» заменено указательным местоимением «там», предполагавшим в дальнейшем развернутое описание: «Умолчим его имя: пусть там оно спит, / Где без славы, без почестей прах его скрыт; / Пусть во мраке текут наши слезы о нем, / Как роса над могильным холмом» [8, с. 255]. В эмоциональном плане наиболее близок к оригиналу Плещеев, использующий вместо «shade» синтагму «тенистый приют», тем самым создавая эффект умиротворенности и покоя: «Пусть лежит он в тенистом приюте своем, / Где зарыт он без почес-

тей нами» [14, с. 367]; Уманец дословно переводит лексему «shade», однако заменяет глагол «sleep» («спать») поэтическим оборотом «в объятиях сна»: «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна, / Где сложили без почестей прах...» [18, с. 115]. В переводе Ознобишина вместо лексемы «shade» использовался поэтический собирательный образ «безмолвье», усиливавший колорит описания («Не зовите его, пусть спит он в безмолвье» [9, с. 68]); у Червинского символическое обозначение места, где покоится прах, заменено конкретным существительным «гроб»: «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!» [15, с. 752], при этом сохранено восклицание, выраженное междометьем «Oh» и использован инверсивный эпитет «имя дорогое», привносящий мысль о том, что ратный подвиг погибшего надолго останется в памяти потомков; для Лихачева, вообще опускавшего упоминание о тени, было важно, благодаря использованию повелительного наклонения и мастерской постановке пауз, подчеркнуть мысль ирландского поэта о бесполезности красноречивых слов и невозможности изменить события прошлых лет: «Не надо имени... Пусть он спокойно спит» [17, с. 585].

Почти все интерпретаторы близко к тексту передают муровское описание способа захоронения неизвестного героя – «Where cold and unhonored his relics are laid» [7, с. 48] [Где лежит его холодный, без почестей прах]: так, в переводах Плещеева, Ознобишина, Уманца и Вронченко сохранено придаточное в значении обстоятельства места, однако при этом у Плещеева опущено упоминание о «холодном <...> прахе» («Где зарыт он без почестей нами» [14, с. 367]), у Уманца акцент сделан на способе захоронения, незатейливость которого, в сочетании с поэтически-возвышенным «сложили <...> прах», формирует продуманный переводчиком отчетливый диссонанс («Где сложили без почестей прах...» [18, с. 115]), у Ознобишина отсутствие почестей заменено «бесчестьем», что далеко не одно и то же («Где хладный с бесчестьем сложен его прах» [9, с. 68]), у Вронченко пропуск перевода эпитета «cold» («холодный») замещается перечислением обстоятельств образа действия, причем дается буквальный перевод эпитета «unhonored» («бесславный»), получающий некое разъяснение, уточнение («Где без славы, без почестей прах его скрыт» [8, с. 255]). В переводе Лихачева стих английского оригинала представлен в качестве обособленного обстоятельства образа действия, в котором, несмотря на своеобразие формы, сохранена мысль о лишенном почестей захоронении героя: «Без почестей зарытый в землю нами» [17, с. 585]. Червинский, используя анафору, характерную интонацию повелительного предложения, а также эпитеты «омраченный», «глубокий» и «вечный», достигает, пожалуй, наиболее сильного эмоционального воздействия на читателя: «Пусть оно спит под землею в глубоком и вечном покое. / Пусть ваши слезы невольные льются из глаз омраченных» [15, с. 752]; здесь анафора подчеркивает синтаксический параллелизм и при этом акцентирует внимание на метрической монотонности. Отметим также, что анафора «Пусть <...> / Пусть <...>», способствующая нарастанию поэтического напряжения, используется и в более ранних переводах Ознобишина, Вронченко, Плещеева.

Сравнительная конструкция, в которой проведена аналогия между слезами горести и печали и ночной росой («Sad, silent, and dark, be the tears that we shed, / As the night-dew that falls on the grass o'er his head» [7, с. 48] [Слезы, что мы проливаем, грустны, молчаливы и печальны, / Как ночная роса, которая падает на могилу к его изголовью]), сохранена в переводе Уманца, который почти

дословно передал муровскую характеристику слезы («молчалива, мрачна»), подчеркнул скорбность могильной росы: «Да прольется слеза – молчалива, мрачна, / Как роса на могильных цветах!» [18, с. 115]. Лихачев использует усиливающие мрачный колорит описания слез и могилы неизвестного героя эпитеты «безмолвно-скорбные» и «угрюмая», при этом поэтически-возвышенные слова придают переводу особую торжественность в сочетании с благозвучием и проникновенным лиризмом: «Кому он дорог был – пусть прах его почитит / Безмолвно-скорбными слезами. / Вспоенная росой в безмолвии ночей, / Угрюмая могила оживится» [17, с. 585–586]. Если для Уманца значимо само сравнение слезы и росы, для Лихачева – описание могилы, «вспоенной росой», то для ранних интерпретаторов важно представить в реальном времени, как «упадает» роса на могилу: «Пусть во мраке текут наши слезы о нем, / Как роса над могильным холмом. / Но роса, упадая, и в мраке ночном / На могиле его мураву возрастит» (М. П. Вронченко [8, с. 255]); «Пусть слезы застынут на наших очах, / Как вечерняя роса на его изголовье» (Д. П. Ознобишин [9, с. 68]). Плещеев, в отличие от других переводчиков, сначала говорил о «ночной росе» и только потом – о «безмолвной слезе»: «И, как ночью роса, наши слезы о нем / Пусть безмолвными будут слезами!» [14, с. 367]. В интерпретации Червинского возникает множество образов, отсутствующих в английском оригинале, но вместе с тем вполне уместных, в частности, упомянуто о «глазах омраченных», слезы соотносятся с «перлами росинки, дрожащих на ландышах сонных» [15, с. 752].

Отметим, что в восприятии Томаса Мура слезы не только оказывались способными превратиться в росу, но и приобретали живительную силу, помогали сохранить память об ушедшем герое: «But the night-dew that falls, tho' in silence it weeps, / Shall brighten with verdure the grave where he sleeps; / And the tear that we shed, tho' in secret it rolls, / Shall long keep his memory green in our souls» [7, с. 48] [Но слезы, что мы проливаем, хотя и льем их в тиши, / Сделают могилу, в которой он спит, зеленой; / А слезы, что проливаем мы о нем, хоть и тайно, / Сохранят память о нем свежей в душе]. Параллель между свежей зеленью на могиле, вспоенной росой, и слезами соотечественников, способными оживить в сердцах память, почти дословно передана Плещеевым и Ознобишиным. Плещеев использует словосочетание «дерн могил» для перевода муровского «verdure the grave» («озеленить могилу»), сохраняет придаточное предложение уступки («Хоть она и в тиши их роняет»), а также характерную инверсию английского оригинала: «От слезинок росы дерн могил зеленей, / Хоть она и в тиши их роняет... / Так и память о нем в нашем сердце свежей / Сохранить нам слеза помогает...» [14, с. 367]. В интерпретации Ознобишина можно видеть дословный перевод словосочетания «the night-dew» («вечерняя роса») и глагола «to shed» («лить <слезы>»), а также использование придаточных уступки («хоть безмолвно ложиться, / <...> / <...> хоть льем их в тиши»), что позволяет переводчику вслед за английским оригиналом осуществить сближение слез и росы: «Но с вечерней росы, хоть безмолвно ложится, / Свежим дерном могила его обновится, / А слезы, что льем мы, хоть льем их в тиши, / Сохранят его память живой для души» [9, с. 68].

О тайно пролитых слезах говорится и в переводе Вронченко, который, дважды называя погибшего героя «другом», привносит новые смысловые оттенки в свою интерпретацию, подчеркивает силу и глубину переживаний лирического героя: «И слеза, что о друге мы тайно прольем, / Память друга надолго в сердцах сохранит» [8, с. 255]. Особая атмосфера торжественности и

печали создана в интерпретации Лихачева, заменяющего обстоятельство места «in silence» («в тишине») поэтическим оборотом «в безмолвии ночей» и использующего однокоренные слова для того, чтобы подчеркнуть связь между живой зеленью на могиле и памятью о погибшем герое: «Вспоенная росой в безмолвии ночей, / Угрюмая могила оживится: / Так и в сердце о нем, слезами без речей, / Живая память сохранится» [17, с. 586]. Уманец по-новому интерпретирует образ слезы, пролитой в тишине, заменяя его синтагмой «сдержанные слезы», и дополняет текст упоминанием о «молчаливом потоке», при этом нарочито используя однокоренные слова и даже повторы слов («молчаливо» и «молчаливый», «оживляет» и «оживит») для усиления параллели между росой и слезой: «Как ночная роса оживляет цветок / Молчаливо над мрамором плит, / Так и сдержанных слез молчаливый поток / Об усопшем мечту оживит!» [18, с. 115]. Наконец, в переводе Червинского последние стихи звучат особенно возвышенно, чему способствует использование экспрессивных прилагательных, нередко выполняющих функцию эпитетов («жаркие слезы», «чуткое сердце», «усопший друг», «пустынная могила» и др.). Интерпретатор усиливает смысловую нагрузку английского оригинала, употребляя контекстуально антонимичные лексемы для описания слезы («тихие, жаркие слезы»), поэтизируя образ луга («ковёр изумрудного луга»), – это придает переводу приподнятую восторженность: «Падает тихо роса на ковёр изумрудного луга, / Но от нее зеленеет могила усопшего друга; / Тихие, жаркие слезы над этой пустынной могилой / В чутких сердцах оживят его образ волшебною силой» [15, с. 752]. В последних стихах перевода Червинского отмечается как смирение со свершившимся, так и глубина чувств лирического героя, который оплакивает погибшего соотечественника.

Следует особо сказать об «Эпитафии неизвестному», которая, будучи анонимно опубликованной в 1901 г., представляла собой скорее оригинальное стихотворение «на мотив Мура», нежели интерпретацию «Oh! Breathe not his name...». Поэт-переводчик использует мотивы, позволяющие создать близкую произведению ирландского поэта интонацию скорби и печали от бесславной потери защитников отечества. Однако вместо обращения к людям, оплакивающим могилу неизвестного героя, анонимный поэт-переводчик лишь ссылается на существование «безвестно погибших странников», при этом эпитет «родное имя» призван все же подчеркнуть смысл и значение смерти во имя родины: «Не знают люди имени родного / Тех странников, что путь в безвестности прошли, / И, после трудного скитания земного, / Те путники безмолвно с поприща сошли...» [19, с. 43]. В интерпретации упомянут живительный образ росы, для описания которой использован эпитет «небесная», позволяющий по-новому взглянуть на ее происхождение и привносящий христианские мотивы в стихотворение. По-мнению анонимного интерпретатора, о всех подвигах героя осведомлен лишь Господь, приславший «небесную росу» на могилу безвестного героя: «Не слезы канули на тайные могилы, / Роса небесная теперь все орошает их... / И скрытыми остались душ отшедших силы – / Их соберет Господь в обителях своих» [19, с. 43].

Подводя итоги, отметим характерный профессионализм и специфику творческого подхода большинства интерпретаторов стихотворения Томаса Мура «Oh! Breathe not his name...», разнообразие художественных форм и средств для воссоздания и переосмысления образов и мотивов английского оригинала. И в последующие годы стихотворение Мура «Oh! Breathe not his

пате...» продолжало привлекать внимание переводчиков, свидетельством чему стали интерпретация М. И. Алигер «О, не шепчите его имя», увидевшая свет в 1975 г. в сборнике «Поэзия английского романтизма» [20, с. 305], и перевод Г. С. Усовой «Ты имя его не тревожь», опубликованный в № 5 журнала «Памир» за 1979 г. [21, с. 79].

Список литературы

1. **Жаткин, Д. Н.** «Ирландские мелодии» Томаса Мура и их русские переводчики 1820–1830-х гг. / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Литература в диалоге культур – 4 : материалы Междунар. науч. конф. (21–23 сентября 2006 г.). – Ростов н/Д : РГУ, 2006. – С. 400–403.
2. **Жаткин, Д. Н.** К вопросу о русских переводах «Ирландских мелодий» Томаса Мура / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве : сб. науч. тр., подготовленный к II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. – Екатеринбург : УрГТУ, 2007. – Т. 2. – С. 31–41.
3. **Жаткин, Д. Н.** «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творческой интерпретации П. А. Вяземского и Д. П. Ознобишина / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Мир – Язык – Человек : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 45-летнему юбилею факультета иностранных языков ВГГУ (г. Владимир, 27–29 марта 2008 г.). – Владимир : ВГГУ, 2008. – С. 212–216.
4. **Жаткин, Д. Н.** Ранние переводы «Ирландских мелодий» Томаса Мура (А. М. Редкин, И. П. Бороздна, В. И. Любич-Романович) / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых : в 2 ч. – Томск : ТПУ, 2008. – Ч. 1. – С. 142–144.
5. **Жаткин, Д. Н.** Традиции творчества Томаса Мура в русской поэзии 1820–1830-х гг. / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Дергачевские чтения – 2006: Русская литература: национальное своеобразие и региональные особенности : материалы Междунар. науч. конф. (5–7 октября 2006 г.) : в 2 т. – Екатеринбург : УрГУ, 2007. – Т. 1. – С. 95–101.
6. **Жаткин, Д. Н.** Традиции Томаса Мура в русской прозе 1820–1830-х гг. / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: Альманах современной науки и образования : в 3 ч. – Тамбов : Грамота, 2007. – Ч. 1. – С. 87–89.
7. **Мур, Т.** Избранное : [на англ. и рус. яз.] / Т. Мур ; сост. Л. И. Володарская. – М. : Радуга, 1986. – 544 с.
8. **Вронченко, М. П.** «Умолчим его имя: пусть там оно спит...» / М. П. Вронченко // Невский альманах на 1829 год. Изданный Е. Аладыным. – СПб. : Тип. Департамента народного просвещения, 1828. – Ч. V. – С. 255.
9. **Ознобишин, Д. П.** «Не зовите его: пусть спит он в безмолвье...» / Д. П. Ознобишин // Зимцерла: Альманах на 1829 год. – М. : Тип. С. Селивановского, 1829. – С. 68.
10. **Гиривенко, А. Н.** Русская рецепция Томаса Мура : дис. ... канд. филолог. наук / Гиривенко А. Н. – М. : МПГУ, 1992. – 18 с.
11. **Гиривенко, А. Н.** Отражение творчества Томаса Мура в русской литературе первой трети XIX в. / А. Н. Гиривенко // Известия АН СССР. – 1984. – Т. 43. – № 6. – С. 537–543. – (Серия литературы и языка).
12. **Виролайнен, М. Н.** Медный всадник. Петербургская повесть / М. Н. Виролайнен // Знамя. – 1999. – № 6. – С. 208–220.
13. **Полевой, Н. А.** Аббадонна : роман : в 3 ч. / Н. А. Полевой. – М. : Тип. С. Селивановского, 1834. – Ч. 3. – 206 с.

14. **Плещеев, А. Н.** Не называйте его! / А. Н. Плещеев // Отечественные записки. – 1875. – № 6. – С. 367.
15. **Червинский, Ф. А.** «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!..» / Ф. А. Червинский // Вестник Европы. – 1887. – Кн. 6. – С. 752.
16. **Червинский, Ф. А.** Стихи / Ф. А. Червинский. – СПб. : Тип. «Общественная польза», 1892. – 282 с.
17. **Лихачев, В. С.** Эпитафия / В. С. Лихачев // Труд. Вестник литературы и науки. – 1893. – № 9. – С. 585–586.
18. **Уманец, Л. И.** «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна...» / Л. И. Уманец // Русская мысль. – 1900. – Кн. 11 (ноябрь). – С. 115.
19. **<Анонимный переводчик>.** Эпитафия неизвестным («Не знают люди имени родного...») / <Анонимный переводчик> // Томас Мур (1779–1852). Биографический очерк ирландского писателя с приложением его стихотворений. – М. : Тип. Общества распространения полезных книг, арендованная В. Кудиновым, 1901. – С. 43.
20. **Алигер, М. И.** О, не шепчи его имя / М. И. Алигер // Поэзия английского романтизма. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 305.
21. **Усова, Г. С.** Ты имя его не тревожь / Г. С. Усова // Памир. – 1979. – № 5. – С. 79.

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия, академик Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitry Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological Academy, fellow of the International Academy of sciences of the pedagogical education, Russian Writers' Union member, Russian Journalists' Union member

Яшина Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия

E-mail: yashina_tanya@mail.ru

Yashina Tatiana Anatolyevna

Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological Academy

УДК 821.161.1.0

Жаткин, Д. Н.

Художественное своеобразие восприятия «Ирландских мелодий» Томаса Мура в России XIX – начала XX в. (на материале интерпретаций стихотворения «Не произносите его имя...») / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 98–106.